

А.В. Манин-Уралец

A photograph of an industrial facility, likely a gold processing plant, at dusk. The sky is a mix of blue and orange, with some clouds. The facility features several large buildings with lit windows, cranes, and a body of water in the foreground reflecting the lights. The overall scene is industrial and atmospheric.

**Золото
Южноуралья
Книга 9
1947-1995**

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья

Книга 9 1947-1995

<https://litres.ru/74496802>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под управлением предприятия «Миассзолото» со второй половины 1950-х годов добыча драгметалла в районе полностью переходит на государственный способ эксплуатации месторождений. Впервые на Урале внедряется высоконапорная гидравлика, «окончательно решая задачу отработки россыпей» - способом размывки золотосодержащих пород. Ведется речь о специалистах мониторинговых и других. Даются сведения о количестве драгметалла, самородков, добытых Миасским прииском с середины 1950-х гг., включая и помощь «плавучих фабрик» драг, в т. ч. с раскрытием тонкостей технологического цикла их работы. Рассказывается о людях предприятия, превратившегося после распада СССР в Акционерное общество «Миассзолото» (добывая вместе с желтым драгметаллом также серебро, в десятикратно большем объеме, чем золото).

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья

Книга 9 1947-1995

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

ЗОЛОТЫЕ ПОЛИГОНЫ

ГЛАВА I

ГИДРОМЕХАНИЗАЦИЯ

В последние десятилетия при планомерном развитии золотодобывающей промышленности на Южном Урале широчайшее применение получила гидромеханизация, достигнув в Миасском районе доминирующего положения над всеми другими способами добычи драгоценного металла. Еще более сорока лет назад ремонтная мастерская треста «Миасс-золото» спроектировала и начала постройку трех малолитражных электрических драг, они были пущены в 1947 году, и по своей конструкции драги эти оказались весьма удобными в управлении и выгодными на участках отработки сильно обводненных и сравнительно малых по запасам полигонов с невысоким содержанием золота в кубе песка.

Впервые на Урале в Миасском районе стали осваивать

эксплуатацию дражных полигонов в условиях зимы, в 1954 году. Позднее все многолитражные драги с успехом работали круглогодично, при любых температурных условиях, не считая, разумеется, плановых остановок или капитального ремонта.

Пережив страшную войну, постепенно залечивая кровавые отметины на душе и раны телесные, кое-как пережив ради жизни потерю близких людей, многих товарищей, квалифицированных специалистов, золотодобытчики Миасса продолжали осваивать подступы к так называемому «светлому будущему». До него окажется не рукой подать. Но тогда, в пятидесятых годах, в него еще верили даже те, кто не избежал ГУЛАГа и возвращен был к работе.

Шла жизнь, шла своим чередом. Кто-то сверху спускал директивы, где-то их принимали к сведению, и в 1954 году границы деятельности треста было решено расширить — присоединили к его ведению ряд золотодобывающих предприятий Башкирии, а с тем и переименовали: тогда-то и стал он зваться трест «Южуралзолото». Так он именовался до

года, когда в связи с созданием совнархозов расформировался, а золотодобычу в Миасском районе начало осуществлять уже Миасское приискное управление, находившееся в ведении Управления Цветметхимпрома Челябинского совнархоза. Что изменилось?

Если до 1950 года в золотодобыче значительный вес имел старательский способ добычи цветного металла, то в 1957—

1958 годах добыча золота в районе почти полностью переходит на государственный способ эксплуатации.

В 1958 году на Атлянской россыпи «Косой пласт» была построена первая на Урале высоконапорная гидравлика №279 с землесосом ЗГМ, ее внедрение, как писали, «окончательно решило задачу отработки глубоких россыпей».

Гидравлика — способ добычи с применением мониторов (джайентов, брызгал). По склону долины проводят канаву, которая оканчивается водосборным «баком», часто сделанным в виде большого сруба. От него идет большого диаметра (около одного метра) железная труба, подводящая воду к брызгалу, который напоминает громадный пожарный брандспойт и управляется мастером. Струя воды, выходящая под огромным давлением (разница уровней канавы и брызгала достигает десятков метров), направляется на прибрежные трассы, которые она режет, как ножом. Струя воды настолько сильна, что ее невозможно перебить даже ломом. Другое брызгало разбивает обрушенные глыбы породы, которая в виде жидкой грязи направляется в шлюзы и длинные (на сотни метров) деревянные желоба с уловителями на дне, откуда и выбирают драгоценный металл.

С 1959 года на перестановке землесосов и трубопроводов началось повсеместное применение новой техники — тракторов и трубоукладчиков (изготовленных, правда, самим прииском на базе тракторов «С-80»). А в 1962 году здесь появились гидротолкатели, также изготовленные по

проектам изобретателей прииска. Прежде сколько тяжкого труда стоили перестановка и укладка пульповодной и водоводной магистралей!.. Входит в строй в том же году модернизированная 250-литровая электрическая драга № 55 на Уйско-Краснохтинском полигоне в Учалинском районе, а в 1968 году — драга № 51 такой же конструкции на дражном шестом и седьмом полигонах в долине реки Миасс. Они были построены для эксплуатации новых дражных полигонов в связи с истощением старых.

Для выполнения земляных работ по строительству плотин, дамб, проходке восточных канав и так далее на золотодобывающих объектах широко используется и современная землеройная техника, что дало возможность осуществлять золотодобычу в замкнутом цикле водоснабжения, как считалось в те годы, «обеспечивающем полное исключение возможного загрязнения рек и озер в районах золотодобычи гидравликами и драгами».

На реке Миасс до впадания ее в озеро Аргази строится и сдается водоотстойная плотина № 1 с водоотливным сооружением железобетонной конструкции — в целях сохранения озера от возможного загрязнения в период работы драги и во время осенне-весенних паводков. В тело плотины вложено 113 тысяч кубометров горной массы, а на сооружение водослива помещено было до четырех тысяч кубометров бетона.

Миасским прииском построены и введены в строй в 1967 году две гидроустановки на россыпях района «Березовой ро-

щи» в Башкирии и четыре гидроустановки в 1969 году на Андрее-Юльевском месторождении в районе Пласта...

Гидромеханизация, разбросанная по огромному району, потребовала энергичных образованных специалистов. Одним из них стал окончивший Миасский горнометаллургический техникум, а позже Свердловскую промакадемию Павел Михайлович Кузнецов, ныне известный ветеран золотодобывающего Миасса. С 1938 года двадцатидвухлетним начал он работать на шахте в поселке Ленинске, а вскоре получил должность в проектно-монтажном отделе прииска с задачей проектирования гидроустановок для работы в районе Мелентьевки на реке Миасс, где сдавали новый полигон. Руководство треста «Миассзолото» решило, что пора в этом старом богатом районе переходить с ручного золотодобывающего труда на механизированный. Оно заключило договор с московским трестом «Гидромеханизация», и сюда прибыла громадная железная мощь.

Но не смог Кузнецов усидеть в конторе. И попросился в гущу дел, лишь только увидел монтаж на месте всей той сложной мощной техники — гидроэлеваторов, землесосов, о которой до сих пор в Миассе мечтали и более маститые инженеры. А собирались на том участке испытать совершенно новый метод отработки россыпей, он был связан с проблемой обогащения тонкого (мелкого) золота, которое повсюду извлекалось очень и очень трудно.

В гидромеханизацию Мелентьевского полигона Кузнецов-

ва взяли на должность сменного инженера, по сути, сменного мастера. Но и этот участок не станет его «вторым домом», как не станет им никакой в отдельности, а сразу весь огромный «дом» золотодобычи Миасского района, ему он решил посвятить свою жизнь. Московская механизация базировалась на газогенераторных тракторах, которых пригнали сюда 46 штук, все типа «С-80» Челябинского тракторного. Очень скоро стало фактом, что это выходит слишком дорого — топить чурками тракторы, в копейку вставала сушка чурок. И тогда был подведен итог: «миасско-мелентьевское» золото слишком дорого в плане его добычи. В результате одновременно всех работ стоимость одного грамма золота превышала необходимую норму в 10—20 раз, чем полагалось для дальнейшей промышленной выработки месторождения. Грамм золота обходился на этом участке в 200 рублей! Дешевле обошлась бы его покупка в Америке. Нет, решило руководство, старательский труд без всякой механизации здесь будет более эффективен. Все силы — на этот фронт!..

«Миассзолото» отказывается от услуг московского треста и приступает к налаживанию дела своими силами, теперь без горячки, а с толком и с расстановкой распределяя имевшиеся силы по своим местам. Но теперь надо ввести в старательские артели гидромеханизацию. Кому поручить эту работу?

Главным инженером треста являлся молодой и энергичный специалист Борис Иванович Грошев. Работая еще главным инженером Ленинского приискового управления, на

шахте он не раз сталкивался по работе с Кузнецовым, когда тот по собственному проекту строил водоотлив. Грошеву нравилась покладистость молодого специалиста, его любовь к технике, теперь он вспомнил о нем. Пригласив Кузнецова, он предложил ему «возглавить развитие гидромеханики» в старательских артелях. Думал ли, что благословил в счастливый путь человека, который сполна оправдает все ожидания и сделает больше: через много лет по праву признают его пионером и настоящим подвижником в этой области золотодобычи.

На этот период старательские артели работали в основном в Атляне. Здесь Кузнецов поработает несколько месяцев. Отсюда его перевели в трест «Башзолото», где необходимо было применить способ гидромеханизации на отработке одного из полигонов, заброшенных во время войны!

В марте 1944 года Кузнецов приехал на Орловский участок Поляковского управления, километров за десять от Миасса, где необходимо было создать энергобазу, построить ЛЭП в 10 киловатт от дражной подстанции Ленинска до Орловского участка, здесь были обнаружены громадные россыпные месторождения.

— Получив задание, я с нетерпением прибыл на объект, — вспоминал Павел Матвеевич, — и окунулся в прошлый век. По золоту ходили едва не в лаптях, артели запущены, электричества нет, вся энергобаза держится на допотопном локомотиве. А соорудить гидромеханизацию надо, приказ.

Собрал старателей и прошу их: несите заявки, где и кто про какое золото знает, пусть придет да скажет! Послушались. Всего человек до ста принесли заявки. Взял я их, внимательно рассмотрел и пошел проверять: правда ли? И ведь правда! Всюду, на что ни указали старатели, было хорошее золото! Не укрыли от государственного человека. Поработали мы на славу. Хорошие люди окружали меня, а если бы не взаимопонимание, не уважение друг к Другу, мало чего бы добились.

Начальником Орловского прииска меня рекомендовал управляющий трестом «Башзолото» Нефед Дмитриевич Рыбаков. Он же дал задание внедрить гидромеханизацию на двух старательских артелях по реке Большой Иремель. В первой председательствовал Иван Павлович Васильев, уже горный мастер, на второй — Павел Тимофеевич Петухов, из местных, жил он недалеко от поселка Мелентьевка. Тут ведь рядом и проходит граница с Башкирией, и он из Челябинской области на работу в Башкирию ездил. Такой путешественник был у нас не один... Я попросил помочь организовать дело Григория Васильевича Жданова, с которым вместе внедряли гидромеханизацию в «Миассзолоте». Жданов позвал своих людей из Миасса. Приехало немало рабочих, кто должен был смонтировать все здесь своими руками, чтобы потом самому же работать. На участке все мы сделали толком и внедрили гидромеханизацию. Артели давали к плану немало доброго золота...

Трест предложил Кузнецову заняться «постройкой государственным способом драги» на Орловском же участке на месторождении Карасуль, что в переводе означает черное озеро. Неглубокое было озерцо, и здесь решили добывать драгой. Прислали альбом чертежей. Драга предусматривалась на деревянном понтоне. Кузнецов закрыл папку и с недовольством отправился к главному механику Гнусареву.

Не годится, Евдоким Акимыч. Не станем делать драгу на деревянном понтоне. Несерьезно.

Гнусарев заворочался за столом, где было тесно здоровой и крепкой его фигуре. Спокойные, будто с ленцою глаза доброжелательно мигнули:

Правильно, езжай в трест, разберись-ка давай с ними. Несерьезно это...

Кузнецов в Уфе. Главный инженер треста Галей Камалитдинович Бекчентаев созвал техсовет, в него включил Кузнецова, чтобы был он тут с правом голоса, не как виноватый.

- Все механизмы на месте, все в чертежах правильно. Но понтон деревянный строить не могу. Я специалист по металлу.

Сколько нужно металла?

Двадцать две тонны для достройки понтона. Иначе не пойдет!

Техсовет разошелся. Бекчентаев с Кузнецовым в кабинете управляющего трестом Козловского. Тот выслушал своего главного инженера, потом уставился на Кузнецова, как на

двоечника.

Вот что, Кузнецов, садись на мое место.

Где бы ни сидел, мнения своего не изменю, — парировал тот.

Но Козловский сажает его в свое кресло. Глядит с другой, противоположной стороны. Говорит, как ставит задачу:

Ты управляющий. Тебе на год дали всего двадцать тонн железа. Кому давать будешь?

Кто золота больше дает.

Далее... Рыбаков стал директором Учалинского рудника, знаешь? Знаешь. Так он дает... скажем условно, тонну золота. А ты со своим понтоном на Черном озере?

Условно? Так пятнадцать килограммов.

Ну вот!.. Отдавай кресло. — Козловский обошел стол, занял свое место. — В пароходство Уфы езжайте, — сказал он оттуда, — может, они и не разденут, как помогут. Езжайте.

В пароходстве поставили условие: гарантируете тысячу рублей в сутки на зарплату специалистам? — будем строить понтон.

«Грабеж! На весь понтон дают средств всего десять тысяч рублей». — Он вернулся в прииск Орловский. На встречу ему заведующий горными работами Хуснул Хуснулович Бикбулатов.

Нашел, Павел Матвеич, плотника. Среди наших рабочих. Говорят, этот все может.

Ну хорошо, давайте его.

Им был Павел Николаевич Малков. Посмотрел человеке чертежи и молвит:

Вот что, товарищи хорошие. И чего дурачитесь? Я вам понтон какой хочешь сработаю, всего и делов-то!..

И ведь не подвел. Превзошел мастерством своим все прогнозы. Здесь построили драгу МД-1 с емкостью ковша в 50 литров с общим количеством ковшей-черпаков 36 производства московского завода «Труд». Помогли строить ее П. Н. Малкову (его пошлют учиться на начальника драги) начальник драги Павел Анисимович Лихоманов (потом займет должность Кузнецова), механик участка Григорий Зиновьевич Баранов, настоящий толковый практик — это была главная ударная сила руководящего состава той стройки.

Только сдали драгу, трест «Башзолото» шлет приказ: дайте вторую на том же озере. Кузнецов протестует: золото на месторождении мелкое, в «бутаре» обнаженное золото налипает на глину и уходит с глиной в «хвосты». Бутару тут применять нельзя. В ответ новый приказ: принимайте свои меры!

Пришлось переоборудовать драгу на систему гидровашгерда, где породу размывает мощная водяная струя... Затем уже и вторую драгу построили, в 1947 году. И за два месяца сезона взяли из того Черного озера около ста килограммов золота. Драги забросили, взялись размывать землесосами хвостовики этих драг, и получили из них золота больше, чем всего намыли в том целике Карасуля!

Тем годом возродили месторождения в Алтын-Таше. Не хватало здесь для добычи рудного золота хорошей энергобазы. А месторождение было известным. В свое время в этих землях здорово прибавил к своему богатству, приобретенному, главным образом, в Кочкаре, знаменитый купец Симонов. Для геологов же они известны хорошими свойствами руды. Возрождению рудника немало способствовала артель Егора Митрофановича Кремлева. Здесь отремонтировали бегунную фабрику, построили химзавод для переработки эфелей и восстановили несколько шахт. Затем приступили к добыче золота под руководством начальника участка, фронтовика, горного мастера с довоенным стажем Федора Николаевича Аникина. Старателем был фронтовик Василий Андреевич Осокин — из немалого числа тех, кто хлебнул горя порохового. Много лет проводя на войне, бывшие золотоискатели утратили некоторые навыки работы, кроме того, нередко действовали напролом, привыкли к «неизбежным» жертвам, и кое-кто тут, на Алтын-Таше, как говорится, наломал дров... В частности, на Турбинском руднике. Решили послать сюда Кузнецова. «Хватит драг ему да гидромониторов, пусть с людьми поработает, старательскую дисциплину наведет», — так решил управляющий «Башзолотом» Козловский. Он сообщил о кандидатуре в политотдел.

Начальник политотдела Пономаренко велел подать карточку коммуниста Кузнецова. Ему доложили: «Такого коммуниста у нас не числится». Как так! Пономаренко звонит в

Орловку: кого предлагаете? Большевики перевелись?! А вот я еду!... А вот погляжу, каких-таких Кузнецовых рекомендуюте!

Парторг участка Геннадий Федорович Сольнин находит Кузнецова:

Оставайтесь на месте, и никуда. Пономаренко зачем-то едет!

Кузнецов как раз собирался к Жданову на Иремель. Но дождался Пономаренко. «Надо к Жданову? Ладно, поехали к Жданову, — сказал тот, появившись. — Посмотрим заодно попутно и там, чем народ занимается».

По дороге они заехали на подстанцию, она была недалеко, зашли в золотоскупку. В магазине есть все. Пономаренко увидел спирт.

Боны есть? — спросил Кузнецов продавщицу. Он знал, что артельные заранее сдают боны продавцу. Кто хочет, может боны купить у нее, но уже по завышенной цене. Зато потом на них выбирай все, что угодно душе. Боны нашлись, и он взял бутылку спирта.

Сидели у ручейка, журчала чистая вода, шелестели камыши, прикрывая тыл, впереди открывалось бескрайнее поле, виднелся лес, сбоку зеленела возвышенность пологого кряжа. Они выпили и оба чуть-чуть охмелели. Пономаренко стал грубоват.

Как столько времени не коммунист? — выхрипнул он, опрокинув жгучую чарку, и, наклонившись носом к свежему

яблоку, глубоко вдохнул от него, откусил одним кусочком, смачно, медленно захрустел, со слегка надутой щекой. В глазах собутыльника из политотдела Кузнецов видел одновременно желание посидеть долго, поговорить о жизни, а с другой стороны, была в них, словно, недоверчивость ко всему свету, и за подрагивающей в их уголках мимикрией читалось никогда не исчезающее внутреннее напряжение и неприкрытое желание заглянуть в душу всякому собеседнику. Он должен был быть Пономаренко, значит, все видеть, обо всем категорично судить, слегка или сильно кусать и, если надо, и покарать. Всем видом он показывал, что знает что-то такое, что, само по себе еще оставаясь партийной тайной, страшнее всякого взгляда и всяких слов. Стало слегка неудобно. Но спирт ужалил в язык и Кузнецова.

Знаете, — сказал он не отводя глаз, — когда я в Орловку приехал, у нас сторож в пекарне работал. Он же развозил хлеб по магазинчикам. И привез семье одну булку. Поймали. Уж как — не знаю. Но осудили. Десять лет дали. А кто-то два мешка муки стянул. И ему ничего!

Пономаренко сощурился. Видно было: спросить хотел, да не стал. Кузнецов ругнул себя, что проболтался — этот мог уцепиться и за того, кто «два мешка стянул». Не стал вспоминать и о том, как в сорок четвертом же, когда в Орловку попал, сам едва не полетел кувырком. Привезли тогда овес для старательских лошадей. Жители, в основном красноармейки, пришли к нему:

«Начальник, продай нам овес. Кормить детей нечем, каши хоть наварим».

Он посмотрел на них, все с осунувшимися потемневшими ликами, с большущими от нужды глазами, и велел продавцу в магазине по его личным запискам овес выдавать, стал писать для красноармеек записки-талоны. Все две тонны овса людям и отдал. Приехала комиссия, разнюхала и давай пытаться продавщицу. Она в слезах летит к нему, Кузнецову: что, дескать, делать?!

«Что делать, отчитайся и все, талоны-то у тебя остались».

«Да кабы остались-и-ись! Порвала ведь все, выкинула, что бумажки? не деньги же были — и!...»

«Теперь обоим придется ответить! — Недовольный, он накричал на нее. Потом спохватился. — Нет, погоди, у нас люди честные. Иди, собери бумажки от людей: что, мол, овес брали. Со всех собери...»

Собрала, все хозяйки записки написали, выручили...

Бутылка подходила к половине. Пономаренко совсем откровенно сказал вдруг:

Будет чистка скоро... Всех, кто обороне не помогал! Так что давай, гляди! — он имел в виду вступление в партию.

Потом и погляжу.

Потом ты нам не нужен будешь. Давай сейчас врагов разоблачай.

Кузнецов понимал, что это предупреждение. Потом Пономаренко не упустит возможности показать, что когда-то

был добреньким, предупреждал, да и закатит жестоко.

Ладно, не дрейфь. Вступай для пользы своей же. Остальное забудь.

Он не был ни пионером, ни комсомольцем, а как на приеме пытаться начать? Ладно. Согласится вступить, но с двумя условиями: не станет искать ни друзей, ни врагов. Друзей так просто не приобретают, они или есть, или нет, а врагов ловить — так это, видно, его задача, Пономаренко.

Хорошо сказал: друзья или есть, или нет. — Пономаренко с внезапным чувством кинул навстречу ладонь, пожал ее. — Ладно, говори второе условие.

Принять без лишних вопросов, потише.

Тот молча кивнул. Они встали...

Принимали в партию Кузнецова без лишнего шума. О том, что не был ни пионером, ни комсомольцем, не вспомнили.

А через год Сталин умер...

После того, как началось укрупнение — трест «Башзолото» соединили с «Миассзолотом», — а было это в 1954 году, — Кузнецов встретился с главным инженером вновь образованного на базе двух трестов «Южуралзолота» Шерстневым.

Александр Михайлович, отпусти в Миасс, детей воспитывать надо.

Тот согласился.

Хочешь на должность техрука Миасского прииска? — неожиданно предложил он.

Должность немаленькая, это считай, пост главного инженера, которого называли техруком. Разумеется, он согласен. О лучшем даже не думал. — Он не скрывал своей радости. Хорошо, поговорю с Головановым. Павел Михайлович мужик покладистый... если к нему с поклоном. Что ж, для друга я поклонюсь. — Шерстнев засмеялся. А Кузнецов уже думал: дело швах! Голованову он не то что не друг, не брат, а, напротив, в конфликте с ним. Правда, с глазу на глаз не общался, но тот не забудет, как из-за Кузнецова вlepили ему строгача. Что, Шерстнев, забыл совсем, что ли?.. Но попробуй, чем черт не шутит!

...Голованова в тот злополучный год назначили управляющим трестом «Южуралзолото», и по его приказу без предупреждения очередной раз отключили электроэнергию, отрезали территорию Башкирии, и все тут. Стало затапливать шахту «Эсфандиар». Насосы-то встали! Не слишком и глубокая была, на сорок метров, но после той аварии вся «винтом» пошла, так и пропала: искорежилась вся, опасно в ней стало работать. Как-то потом втроем — он, Кузнецов, с Лихомановым и Бикбулатовым — пошли туда проверять, да чуть там не остались: рушились стены, ломались пути... Вызвали комиссию из «Башзолота». Разобрались, кто виновник, Голованову в главке строгача и вlepили!

Тем временем Шерстнев крутился. Поговорил с Головановым: вот, мол, приехал человек, которого техруком бы! Некого Кузнецова! Ну Кузнецова, так Кузнецова, лгало ли

Кузнецовых по миру ходит, пусть входит, поглядим, что за красавец. Шерстнев проводил его: «Заходи».

В кабинете вдвоем поговорили накоротке: «Откуда?» — «С Башзолота». — «Конкретно?» — «С Орловки»...

Что тут сделалось с управляющим! Он удивленно весь округлился, стал шагать по комнате. Неловко сделалось ему. Подумав, он сделал вывод: нет, негоже брать в помощники человека, из-за которого вышел такой скандал! Нет, нельзя, работать будет неуютно, нехорошо...

Поехал Кузнецов в Атлян. Когда-то он здесь наладил гидророзыск, а оно оказалось запущенным. Работая в должности начальника Верхне-Атлянского вместо П. В. Акарина, с 1953 по 1958 годы приводил это хозяйство в порядок. Полигоны были пущены в строй уже через год, несколько лет участок стабильно выполнял план по золоту. Плечом к плечу

в коллективе работали надежные люди: начальники гидравлик Михаил Иванович Дерябин и Василий Константинович Косяков — бывший директор Миасского приискового управления; бывший до войны на должности директора прииска Михаил Николаевич Спирин, также работавший начальником гидравлики, и другие.

В 1956 году Кузнецова назначат техруком на Ленинский прииск — в огромное хозяйство с двадцатью пятью гидравликами и двумя большими драгами с емкостью черпаков 250 литров. Многочисленный коллектив представляли тринадцать начальников гидравлик, двое начальников дра-

ги, двенадцать взрывников, механик, энергетик, обогатители, геологи и другие, работавшие в радиусе тридцати километров вместе с участками Устиново и Орловка.

В те годы много труда вложили в развитие золотодобычи, направляя усилия на выполнение государственного плана, директор прииска Дмитрий Никифорович Федорец, главный механик Александр Дмитриевич Плохотниченко, энергетик Давид Моисеевич Флятау, участковый геолог Павел Гаврилович Дрязгов, начальник разведочных работ Петр Иванович Соколов, бригадир разведчиков Демьян Александрович Семибратов, начальник 56 драги Алексей Курицын, начальник 55 драги Александр Шкилев, начальники гидравлик Петр Манаков, Константин Назаров (руководивший одновременно тремя гидравликами), Павел Рязанский, Василий Тюрин, Петр Падучин, начальник ОТиЗ Ленинского прииска Константин Корежатко, нормировщик Андрей Лазаренко и другие.

Следующая трудовая страничка в жизни одного из маститых миасских практиков, специалиста-гидромеханизатора открыта на становлении Поляковского прииска, где еще оставалось одно невыработанное местечко, прежде принадлежавшее крупному приисковому управлению. Здесь под управлением П. М. Кузнецова строили ЛЭП, пять гидравлик, переносили модернизированную драгу №55.

Почти весь коллектив с пятьдесят пятой перешел на новый участок, где стали работать драгерами Александр Васи-

льевич Шкилев, Николай Яковлевич Субботин, Александр Дмитриевич Астафьев, благодаря этим старым драгерам удалось запустить плавучую фабрику в срок. Опытные мониторщики помогли справиться со старым оборудованием гидравлик... Шесть месяцев Кузнецов исполнял обязанности начальника Поляковского прииска и одновременно начальника драги. И здесь он совершил свою единственную крупную ошибку. «Нельзя было сразу устанавливать драгу и пять гидравлик, — признавал он за собой, — гидравлики были старые, и пришлось ремонтировать их в полевых условиях, что, конечно, не могло быть исполнено с нужным качеством. Много трудностей пришлось пережить в тот период всему нашему коллективу. Их нам добавляли и со стороны. Помню, в то трудное время с каким нетерпением мы ждали один бульдозер из трех, присланных в трест, но так и не дождались его. Как расстраивались рабочие, прямо до слез от досады, так всем хотелось работать, добывать хорошее золото и хорошо получать за свой труд! Незабываемые характеры, незабываемое время торжества труда!» В трудовой книжке Павла Матвеевича Кузнецова 26 благодарностей за конкретные видные дела — за организацию строительства работ, внедрение гидромеханизированного способа обработки месторождений золота и платины, за добросовестность и самоотверженность.

Неоценима роль гидромеханизации и в деле сооружения плотин для открытия золотосодержащих полигонов. С по-

мощью механизмов и машин возникающие повсюду плотины образовали в Миасском районе много дополнительных участков для добычи драгоценных металлов.

Первую плотину — на Ленинском прииске — сооружали исключительно «мускульным способом». Открывали забой, брали грунт и отвозили на «колымажках» в тело плотины.

Затем плотины начали намывать гидромониторами. Не все оказалось в этой работе гладко. Впервые построенная с помощью гидромеханизации плотина пропускала воду — дренировала, как говорят специалисты; с большим трудом починили ее.

Впоследствии пришла на выручку этой грандиозной работе самая современная гордая и мощная техника — скреперы, грейдеры, бульдозеры — все новое, что появлялось у главного механика в транспортном цехе, задействовалось на сооружение мощных гидротехнических сооружений. Из крупных объектов построены были таким образом плотины на Тыелге, на Ленинском прииске (всего четыре плотины), на Поляковском участке (всего шесть плотин) и несколько других на самых разных участках по руслу и притокам реки Миасс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.